

**Военные
Приключения**

МСТИТЕЛЬ ДОНБАССА

АЛЕКСАНДР ПЕРЕСВЕТ

Военные приключения

Александр Пересвет
Мститель Донбасса

«ВЕЧЕ»

2017

Пересвет А. А.

Мститель Донбасса / А. А. Пересвет — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4444-9194-2

Наверное, одни из самых страшных войн в истории человечества – войны гражданские. Брат встаёт на брата, сосед стреляет в соседа, одна часть народа готова уничтожить другую. И в таких войнах остаться в стороне не получается – каждый должен выбрать свой путь. Так и поступает Алексей Кравченко – в прошлом житель Луганска и Брянска, донбасский мальчишка и российский офицер. Он идёт на войну, полыхающую на востоке Украины, не только по личным мотивам, но и потому, что воспринимает боль обожжённых этой преступной и бессмысленной бойней людей как свою собственную.

ISBN 978-5-4444-9194-2

© Пересвет А. А., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Пересвет Мститель Донбасса

© Пересвет А., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

От автора

Когда-то Александр Проханов написал роман «Последний солдат империи». Он говорил о событиях 1991 года и, в общем, как правильно отмечают критики, прощался с уходящей советской эпохой. Правильно пишут и о том, что Проханов оставлял открытым вопрос о дальнейшем пути развития России.

Кажется, что после 25 лет сначала безвременья, а потом постепенного обретения самой себя Россия подошла как раз к решению этого вопроса – о своём будущем. События в Крыму и на Донбассе представляются родовыми муками новой России. Точнее – новой империи. Ибо, по моему глубокому убеждению, такая многогранная и многоцветная, многонародная страна, как Россия, может существовать только в форме империи. Где нет ни у кого ни национальных, ни других изначальных прав и привилегий, а все привилегии зарабатываются любым человеком в ходе своего служения Отечеству. В образе главного героя книги – жителя Луганска и Брянска, донбасского мальчишки и российского офицера, который воюет ныне за ЛНР, мне хотелось показать уже появившийся в нашей жизни тип россиянина и имперского патриота. Именно такие люди и сражаются сейчас на Донбассе за новую Империю, которая возникнет на месте ушедшего в века СССР.

Глава 1

Убивать было тоскливо.

Не тошно, не муторно, тем более – не страшно.

Тоскливо.

Как всегда, когда делаешь это не в горячке боя. Когда вот так, глядя в прицел и выжидая, чтобы человек по ту сторону прицела поудобнее для тебя подставился. И никуда не деться – ты обязан пользоваться удобным моментом, чтобы навеки приковать к земле зелёную фигурку в ночном целике.

А ведь живая душа всё же. Жалко душу-то...

Потому и тоскливо.

Нет, Алексей Кравченко, позывной Буран, доброволец и в данный момент командир диверсионно-разведывательной группы, не был гуманистом. Это было бы смешно – на гражданской-то войне, да к тому же после всего, что он на ней успел повидать. После устроенной украинскими нацистами резни в Новосветловке, после Хрящеватого, после Славяносербска, с жуткой обстоятельностью убиваемого карателями из пушек... После разнесённых по камушку Сокольников. После трупов на улицах Луганска. После детей, разорванных прямым попаданием в дом, – и ты их вытаскиваешь... Отдельно маленькую ручку, отдельно – тельце, отдельно – кудрявую головку, раздавленную, словно яйцо...

После истории с отцом...

Но... Как там у Сент-Экзюпери? – быть может, в каждом из них убит Моцарт? Вон он, по ту сторону прицела. Одно движение пальцем – и нет Моцарта! Без шуток. Человеку, может, не дали реализоваться – загнали в армию и поставили на этот блок-пост. Ведь совсем недавно ещё, год назад, не думали эти ребята ни по ту сторону, ни по эту, что будут вынуждены стрелять. Стрелять, в общем, в своих же...

А может, то пэпээсник. Судя по данным разведки, – собственно, по данным, его же разведротой добытым, – тут сумские пэпээсники стоят. Менты. Что им на фронте делать? Совсем у Киева войск не осталось, что ли?

Короче, убивать одетых в военную форму мальчишек и мужичков было тягостно. Да, за все эти месяцы Алексей Кравченко уже научился видеть в них врагов. Но при всём том не мог избыть в себе мысли, что участвует в каком-то бесконечном бреде. Как хорошо, когда бы это были фашисты! Привычные, из кино, немецкие. Чужие. Говорят на чужом языке, грабят, насилуют, убивают. Совсем чужие. Не как эти вон, на блокпосту...

Но опять же... А чем нацисты из карательных украинских батальонов от тех, настоящих фашистов отличаются? Всё то же и творят. Убивают, грабят, насилуют. Причём не по приказу, а с желанием. Ради идеи. Чтобы все жили в их проклятом украинском рейхе, словно сочинённом обдолбанным автором альтернативной фантастики. Где выбрали из истории всё антирусское и объявили это своей историей. Где нашли всех неудачников, всех предателей и сделали их национальными героями. И пошли убивать всех, кто с этим не согласен.

А когда им дали отпор, завизжали в несправедном гневе и начали мстить всем вообще без разбора. «Детям ватников», «самкам колорадов»... Как же, как посмели «ватники» воспротивиться их сверхценным идеям! Не понравилось, вишь, людям на Донбассе любить Бандеру и прислуживать своре захвативших власть конченных предателей.

За это – из пушек по жилым домам? Расстреливать людей за то, что не хотят жить с тобой в твоём нацистском раю?

Поэтому жалости к укропам не было. Была чёткая, осознанная, холодная ненависть. Это каратели. Сродни фашистам. Нет, даже не сродни. Фашисты и есть. И не охотится на них капи-

тан Кравченко. Приводит в исполнение приговор, вынесенный убийцам Высшим судом. Раз уж суд человеческий им не грозит.

И всё же...

Всё же было б куда легче, если твёрдо знать, что вот сейчас по ту сторону прицела раскинет руки и ноги настоящий фашист. Из карательного батальона. Из тех, кто жёг людей в Одессе. Кто расстреливал их в Мариуполе. Кто бил ветеранов на 9 мая во Львове. Кто зиговал в честь Гитлера и распевал речовки Бандере. А уж знать бы, что на блокпосту укропском сейчас ляжет тварь из того же поганого «Айдара», подонки из которого убили его отца! Таких не жалко.

Но сейчас от его, Алексея, руки должен отойти на ту сторону бытия, которое уже Небытие, обычный, скорее всего, парень. Призванный на войну хунтярным военкомом. «Кто послал их на смерть недрожавшей рукой...» – или как там?

И вот поэтому было мутно. Словно помогает он, Алексей Кравченко, отставной русский офицер и капитан армии Луганской республики, тому преступному, обслуживающему нацистов военкому. Помогает убивать обычных украинских ребят...

Но... надо. Для того чтобы группа прошла в тылы противника без обнаружения, нужно отвлечь всё внимание этого сборища укропов на блокпосту на себя. Чтобы они ловили атаку отсюда, обращая весь огонь – а главное, внимание приборов слежения – на группу Алексея.

Двоих бойцов – Шрека и Ведьмака – он послал по сторонам и вперёд. Чтобы стрелковой имитировали картину атаки. Злого с «Печенегом»¹ оставил несколько позади. Через одну, много две минуты противник определит, откуда стреляют автоматчики. И придётся им отползать под ответным огнём. Вот тогда и вступит в дело пулемёт. Внимание на себя заберёт, да и автоматчиков прикроет.

Сам Алексей со своим «винторезом» был вторым резервом. Чтобы выцеливать и гасить особо рьяных стрелков противника.

Последним резервом должны стать миномёты, что сзади-слева ждут своей минуты. Вступят по сигналу. Под их «пакетами» украм станет не до выцеливания отползающих ребят. И тем более – не до разведгруппы, что будет в это время струиться по ямкам и канавкам в тыл врага.

Замысел наглый, конечно. Но практически безопасный. Командование, во всяком случае, одобрило.

За ним же, командиром разведывательно-диверсионной группы, и начало операции. Он должен был снять из винтовки часового. К которому по идее должны или броситься, или хоть подползти его товарищи. Вот тут и пойдут работать автоматчики. Чтобы навалить украм шухера по полной.

В ночной прицел видно было вполне прилично. Старикашка НПСУ-3 (мимоходом вспомнил, как хотел в Москве взять «Сентинел», да пожалел на это дело 37 тысяч) исправно давал мистическую зелёную картинку. Зима, поле. Бетон и мешки блок-поста. Тихо.

Вон и призрак человека.

Алексей выбрал свободный ход курка и нежно, как вдолблено было бесконечными тренировками («Будто трогаете лепесток розы», – говаривал в училище незабвенный майор с ухотной фамилией Передистый), придавил запятую гладкого металла.

Зелёный призрак в прицеле дёрнулся и отвалился назад.

Алексей повёл жалом винтовки влево и вправо. Никого. Спит доблестное воинство укропское. И то! Тяжеловато им пришлось в последние сутки. Стреляли по ним много и со вкусом. Добились, конечно, не так много, как хотелось бы. Но это – как обычно. Огонь миномётов – штука довольно-таки неточная. Для хорошо врывшейся в землю и прикрывшейся сверху бетоном пехоты эффект разве что беспокоящий. Даже и от РСЗО². Которые были столь страшным

¹ «Печенег» – 7,62-мм пулемёт.

² РСЗО – реактивная система залпового огня.

оружием во времена Великой Отечественной войны, а ныне, в общем, бьют больше по психологии, нежели... нежели по делу. Если ты, правда, стоишь не в чистом поле...

Но психология – тоже штука важная. Вон он, утомившийся за день укроп. Почивает, пользуясь тишиной. И второй часовой, видно, тоже спит, собака. Иначе должен был бы поинтересоваться, что там грекнуло у товарища. А грекнуть должно было, хотя ничего из происходящего на блокпосту Алексею слышно, естественно, не было. Отлетел каратель чисто, автоматом и броником загреметь должен был. На чём и строился расчёт завалить и второго часового, который кинется глянуть, что там с первым. А там и автоматчики в дело пойдут...

На войне как на войне. Она давно перестала быть приключением для мальчишек что с этой, что с той стороны. Работа. Подчас даже скучная. Всегда тяжёлая. Всегда – грязная. Но – работа. Затягивающая. Как курение.

Тут Алексей поймал себя на мысли, что нарисовалось слишком много времени, чтобы порассуждать о том, о сём. Потому как на блок-посту сохранялось спокойствие. Не бросился второй часовой к первому. То ли действительно спит, то ли опытный оказался. Не ведётся на старые фокусы.

Нет, тогда бы он тревогу всё равно поднял. А у противника тихо. Да только от того не легче. Если бы лично там быть, да в ножи брать – тогда самое то! Часовых приглубил, в блиндаж гранату сунул – все довольны. Кому положено – на небесах, по нацикам черти лапки потирают, ты дальше по делам.

Но к этим так не подберёшься. Давно стоят, росли. Оборудовались. Растяжки в нужных местах. Часовые с ПНВ³. И не факт, что нет у них более хитрых приборчиков. В последнее время появились у укров современные устройства для охоты на человека. Настроили автоматику, разведчик и не поймёт, что его уже засекли. А его проводят до удобного места и там или повяжут, или пристрелят.

Отсюда – план от противного. Надо их, наоборот, возбудить! Чтобы гляделками всякими поменьше по степи лазали. Должен быть такой ад, чтобы вся автоматика сбоила, чтобы всем не до неё стало! Слишком важная была на этот раз задача у разведчиков – не обычная ДРГ⁴ в тыл просачивается.

Алексей вздохнул. Нет, пора что-то делать.

Он четырежды щёлкнул по рации – два через промежутки, два коротких. Начальные такты похоронного марша. Два щелчка в ответ – принято. Где-то слева должны сейчас завозиться приданные миномётчики, готовя сюрприз для спящих укров. Или не спящих, а хитрых. Впитавших гибель часового, но не желающих показывать тревогу, чтобы преподнести свой ответный сюрприз атакующим. Пэпээсники⁵ ведь хоть и не военные, но по-ментовски хитрые, с вывертами.

Хлопки выстрелов слышны не были – километра полтора до батареи, да и ветерок в её сторону. Зато характерный свист подлетающих мин звучал вполне отчётливо даже за триста метров от блокпоста. Укропы там сейчас просыпаются в холодном поту, судорожно ища, куда бы спрятаться.

В принципе если опытные и наружу выскакивать не будут, ничего им не грозит. Ну что мины укрытым в бетонном бункере солдатам сделают? Группе Бурана придали всего три «Подноса». И то хорошо, но для укрытых в блиндажах людей это ни о чём. Реального убойного толка не будет. Так, несколько минут неприятностей.

Поэтому с миномётчиками договорились попытаться подловить укров «на бзду». Положить обычную серию в 8 выстрелов из одного миномёта, сделать обычную же паузу. Ту, что ухо-

³ ПНВ – прибор ночного видения.

⁴ ДРГ – диверсионно-разведывательная группа.

⁵ ППС – патрульно-постовая служба.

дит на передислоцирование. Как правило, противник это учитывает. И эти 5-10 минут использует для более полноценного укрытия или для отхода.

Но сейчас решили, что через три минуты после завершения первой серии, когда укрыя начнут оживать, ударит второй ствол. С той же серией. А потом, через ту же паузу, – третий. В третьей стороне. Поиграем с противником. Пусть он не понимает, чего ждать дальше. Полежит тихонько под укрытием. А миномётчики за это время будут передвигать огонь на новые позиции по очереди. Не бог весть, конечно, тактический приём. Ну, так нам и не минную дуэль устраивать.

Нам важно, чтобы наши за это время успели просочиться через самый опасный участок. Идти им потом далеко, аж до Лисичанска и Северодонецка – будут там дела в аэропорту. Главное – чтобы о них у противника и представления не было.

Это была просьба тех, кому лишний раз не отказывают. Коллеги – тоже разведка, только из МГБ. Что-то надо ребятам добыть, чего ни агентура, ни сочувствующие гражданские исполнить не в состоянии. Надо парням скрытно дойти и скрытно вернуться. Потому и поставлена задача сделать всё возможное, чтобы их выход не засекли. А пункт захода на этот маршрут здесь не слишком удобный. Ну да ничего не поделаешь. У 28-го блокпоста нейтралка слишком широкая. Пока преодолеешь – точно попалишься.

Вот из-за этой секретности и пришлось планировать чуть ли не целую войсковую операцию. План-то сам по себе разработали красивый. Но слишком сложный – правильно сказал майор Беспалов в штабе, когда обсуждали. Такие планы хорошо составлять, но плохо воплощать, – и с этими словами Алексей был согласен. Ради того, чтобы завести группу за ЛБС⁶, столько городить?

Но коллеги из «тихого ведомства» разъяснили, что группа идёт особая, не спецназ ни разу и не диверсанты. Чтобы их на ту сторону просунуть так, чтоб укры не то что их не засекли, но даже и не подумали об этом, надо было устроить большой тарарам. Ну а уж хитряночки с выманиванием гарнизона блок-поста на убитого часового – это да, Алексей сам предложил. Просто накрыть блок минами показалось ему мало. То есть мало что давало. По опыту знал. Отсижятся вояки за блоками, а потом полезут – как раз на группу, ради скрытности которой всё и затевалось...

Взрывы легли достаточно разбросанно. Беда всех миномётов. Или ветерок свою лепту внёс. Тем не менее три или четыре заряда легли точно – на самом блокпосту или близко возле. Будем надеяться, обделаются укры. Под минами редко хватает хладнокровия оценивать, куда прилетело и куда летит. Тем более что опытные миномётчики работают с такой скоростью, что могут выпустить крайнюю мину, когда первая ещё в воздухе.

Алексей понаблюдал через прицел, что там делается у противника. Нет, шевеления особого не видно. Вжимаются «укропы» в пол и стены. А группа наша должна уже пойти!

Тишина. Но не в эфире. Из второй рации, настроенной на укровскую частоту, слышатся взволнованные голоса. Проблемами радиоскрытности укры в такие минуты редко замораживаются. Лупят в эфир все свои страхи и догадки. А кто-то свыше их успокаивает: наблюдайте, дескать, может, это просто беспокоящий огонь.

Ага, беспокоящий! Почти над головою повис новый свист. Вторая труба ударила с другого азимута. Возле блок-поста опять заморгали разрывы. И снова пауза.

Наверняка укровские корректировщики сейчас голову ломают над тем, где находится истинная «сепарская» позиция. Куда бить в ответку?

Оживлённый обмен мнениями в эфире.

Третья серия. Буханье, тишина. На этот раз долгая. Сейчас укры должны вылезти, оглядеться. По неведомо как установившемуся обычаю считается, что длинная пауза означает пре-

⁶ ЛБС – линия боестолкновения.

кращение обстрела – миномётная команда сейчас усиленно драпает, чтобы не накрыло ответным огнём.

Но тут будет сюрприз. С прежних позиций снялись, это правда. Но сдвинулись не назад, а вперёд-вбок, где вот-вот снова развернутся. Как раз к тому времени, когда противник решится размять косточки и оглядеться, что же происходит снаружи блокпоста. Вот у него глазки-то раскроются!

* * *

Алексей Кравченко был родом местный, из Алчевска. Именно по роду. По отцовскому роду. Отец родился здесь. И дед. И прадед.

А мать была из Брянска. А её мать – из Выгонич.

Сам же Алексей родился под Воронежем, где тогда служил молодой лейтенант-ракетчик войск ПВО Александр Кравченко. Правда, мест тех совсем не помнил, ибо в полуторалетнем возрасте был вывезен родителями в Луганск, куда перевели отца по службе. Так что Буран с полным правом считал себя местным, луганским. Но с таким же правом – и россиянином, брянским. И даже московским.

А ещё больше он считал себя – имперским. Уроженцем и воином Российской империи. Включающей земли, временно отторгнутые у неё в 1991 году.

Почему так? Так всё просто, отвечал Алексей в тех случаях, когда заходил об этом серьёзный разговор. Он родился в СССР. В семье офицера. СССР был наследником Российской империи. Собрал её земли, разбросанные после революции. И был, несмотря на все республиканские деления, единой страной с единым народом. То, что в 1991 году местные и местечковые элиты в союзе с националистами поделили этот народ на части, для него лично, Алексея Александровича Кравченко, офицера и сына офицера, ничего не значило. Он лично не приемлет деления по национальному признаку. Тем более, когда по этому же признаку распределяются права. Но поскольку СССР растерзали, когда он был ещё ребёнком, то лично он, русский офицер и сын русского офицера, считает себя на службе у первоосновы всего – Российской империи. И пусть эта служба проходила на одном из её осколков, но в идеале РФ и должна стать фундаментом для возрождения союза братских народов. А империя – просто форма этого союза. Потому как в ней все народы равны, а привилегии достаются не по признаку крови, а по заслугам перед нею, империей. То есть – перед её народом.

Откуда взялись такие убеждения? Оттуда же – из истории родной семьи. Отец из Луганска, мать из Брянска – что могло быть нормальнее в той, прежней стране? И с какой, блин, стати теперь между этими городами должна быть граница? Да не простая, а в идеале этих утырков из Киева – национальная. А в ещё большем идеале – враждебная.

А чего ради? Кто они такие, утырки из Киева, чтобы он, Алексей Кравченко, луганский мальчишка и русский офицер, проводил враждебную границу между собой и собственным детством? А по какому это вескому желанию его отец, останься он в своё время на «незалежной», должен был бы готовиться сбивать собственного брата – лётчика с Сахалина, а теперь с Нижнего Новгорода? Только из-за того, что кому-то захотелось забрать себе их родину на основании объявления себя украинцами? Да ради бога – объявляйте себя хоть марсианами! Вот только на нашу землю пасть не открывайте и наш народ на части не рвите. Найдите себе остров в океане – и стройте там себе свой марсианский рейх, коверкайте язык под свою селюкско-польскую мову, учите свою историю с происхождением украинцев непосредственно из питекантропов и с украинско-персидскими войнами времён царя Дария. К нам только с этой дурью не лезьте...

А ведь в своё время отец сотворил, видать, что-то хитрое – насколько-то Алексей знал теперь армейские порядки, – чтобы перевестись из 108 зенитно-ракетного полка под Вороне-

жем именно на Украину. Точнее – практически к родному дому, в знаменитый когда-то 317-й зенитно-ракетный полк 9-й дивизии ПВО «Гавань» из состава 8-й особой армии ПВО. Меньше сорока километров от Алчевска до Александровска, неподалёку от которого и стояла часть.

Впрочем, почему стояла? Стоит и посейчас. В июне 2014 года ополченцы её взяли без единого выстрела, солдат и офицеров распустили по домам. Понятное дело, что никаких прежних дивизионов с С-200 (и два – с С-75) там давно не было. И вообще остался лишь отдельный радиотехнический батальон, который в советские времена должен был выдавать информацию 317-му зрп.

Отец не рассказывал, как ему удался тот перевод, да Алексей и не спрашивал. Когда был маленький, его это не заботило. А когда подрос, воспринял место службы отца и своего жительства как данное, так сказать, от рождения. Как и всё прочее, что окружало его в детстве. Офицерская пятиэтажка, где их семья жила в служебной квартире. Дом бабушки с дедушкой в частном секторе Алчевска – с дивным совершенно садом. Украинского характера домик, с четырёхскатной крышей. Здесь они, в общем, все такие, хотя всего-то в полусотне километров ближе к русской границе, возле Краснодона-Молодогвардейска много сельских домов построено в русском стиле, с двускатной крышей. А по ту сторону «нуля», в российском Донцке, опять-таки немало домов украинского типа.

Отец вообще особо про службу не распространялся. Оттого, возможно, Алексей и не пошёл по его стопам, в ракетчики. Хотя тот и предлагал.

Нет, в офицерское училище мальчишка, выросший при воинской части, хотел всегда. Иное дело, что мечтал в лётное, а попал в пехотное. Так жизнь и медкомиссия распорядились. Хотя, честно признаться, небом особенно никогда не бредил. Зато специальность командира разведвзвода вон как пригодились.

Особенно здесь и сейчас.

Алексей теперь уж и сам не мог с уверенностью вспомнить, что именно подвигло его пойти именно в Новосибирское командное, да ещё на факультет разведки. Романтика, видать, заела. Не удалось в лётчики, пойдём в разведчики.

А что ещё могло хотеться сыну офицера, всё детство проведшему в военном городке? Конечно, стать офицером. Просто офицером русской армии.

Возможно, детское увлечение 1812 годом сказалось – красивая форма, красивая война и красивейшая победа! Возможно – убеждения и воспитание со стороны отца, всегда гордившегося тем, что принадлежит к высшему званию: «русский солдат». Возможно – среда, окружение, военная романтика. Мальчишка же был! Угостили солдаты кашей своей, посадили с собою рядом – и уже готов мальчишка жизнь армии посвятить...

А может, повлияли на его жизненный выбор все те пертурбации, которые случились со страной. В одночасье рухнувшей с пьедестала одной из мировых империй – в ничтожество и смрад коммерциализации всего и вся. Включая саму себя и свой народ...

Ну и куда было из таких обстоятельств мальчишке податься? В гражданский вуз как-то не тянуло. Вот и подал документы в Краснодарское авиационное – на лётчика. Просто потому, что дядя Эдик был лётчиком, и Лёшка с детства помнил, как приезжал к ним ещё в Луганск молодой старший лейтенант, потом капитан – в погонах с голубыми просветами и в фуражке с голубым околышем, весёлый, успешный и слово исходящий неведомой тугой и мощной далью. Как угощал непременно «Алёнкой». Как рассказывал про полёты над проливом Лаперуза вдоль самой кромки государственной границы, про встречи в небе с американскими разведчиками. И про то, как воевал с некими «шуриками» – так он именовал солдат из аэродромного обслуживания, всё норовивших напиться, подражаться и замёрзнуть под снежным бураном...

И Лёшка смотрел на карту в офицерском атласе, измеряя расстояние до Сахалина, и с восторженным удивлением осознавал, как же велика его страна! И вместе со страной – его

семья, где два брата защищают небо в разных её концах и ни один враг не смеет даже покушаться на неё!

А братья ещё любили и подначить друг друга, один заявляя, что любого летуна «ссадит» с неба первой же ракетой, а второй – что видал он этих «ссаживальщиков» с кривыми ракетами, из которых две пройдут мимо, а третья подобьёт свою же четвёртую, приняв её за цель... И Лёшка взахлёб смеялся, слушая эти пикировки.

И это было очень здорово – жить в такой стране! Хотя годам к одиннадцати начал понимать Алексей и тревожные нотки, что всё чаще проскальзывали в семейных разговорах, – о неизвестно куда идущей перестройке, о странной внешней политике «пятнистого», об утомивших дефицитах и изменившемся отношении к армии.

А уже позже, когда Союз развалился и они переехали в Брянск, с неожиданным холодом страха и понимания в душе Лёшка услышал признание отца дяде Эдику. О том, что одной из причин отказа принять украинскую присягу стала мысль, что когда-нибудь его могут заставить проверить точность наведения ракет на самолёте собственного брата.

И дядя Эдик солидарно кивал, когда отец убеждённо говорил ему: «Украина – уже враждебное государство, хотя живёт только первые месяцы. А через несколько лет станет врагом России лютым. И не потому, что так захочет народ, а потому, что настроения во власти к тому приведут. Они уже в перестройке начали громко противопоставлять себя России. А дальше достаточно того, чтобы кто-то науськал людей на своих же братьев и поставил в боксёрскую стойку...»

Потом не раз Алексей убеждался в правоте отца.

Когда летом ездили к деду с бабкой в Алчевск, самым мучительным было видеть поведение украинских пограничников и таможенников на переходе в Хуторе Михайловском...

Нет, весь Брянск тоже, конечно, видел, как быстро стали гладкими и довольными жизнью свои собственные российские таможенники. И сам Алексей, приехав домой после училища, услышал историю о смерти одноклассника: «Такой хороший парень был, в таможню устроился, через год квартиру купил – и надо же, спился, да по пьяной лавочке под поезд попал...» И мозг безденежного в конце девяностых лейтенанта сам собою выделил: на квартиру за год парень заработал! За год работы на таможне, да...

Так вот, когда проходили границу на Хуторе Михайловском, сразу можно было отметить, что при всём при том россияне вели себя пристойно, достаточно вежливо, по-человечески. Украинцы же казались сворой голодных злых псов, настроенных с каждого пассажира поиметь хоть какой-то доход. Плюс грубость и непонятное высокомерие. И стыд грыз за прежнюю родину...

И это было обидно. Ведь там тоже был дом. Хоть и в другом теперь государстве, да разве детские воспоминания куда денешь?

И Алексей, заглядывая себе в душу, точно знал, что она так и осталась в Луганске. А с Брянском до конца так и не сроднилась. Хотя была в брянской юности первая девочка и первая ночь, и первый странный и терпкий запах близкой женщины... Первая серьёзная драка на Литейной со шпаной – за собственное место под солнцем. Первый стакан сладкого портвейна с друзьями.

И всё же...

Воспоминания юности имеют свою прелесть. Но душа остаётся в детстве...

* * *

А детство так и осталось окрашенным распадом родины. Хоть и не до политики было мальчишке, в одночасье сменившему не только место жительства, но и, как оказалось, страну, но политика сама долго не выпускала из своих липких лап их семью.

Сначала отец, несмотря на все свои усилия, так и не смог найти места в российской армии. Из-за политики. В 1991-м он не признал развала Союза, не стал принимать украинской присяги. Таких, как он, Алексей слышал, было немало – больше десяти тысяч. Многих на службе теперь уже Незалежной удержало жильё. Но отец за служебную площадь с туалетом в конце коридора особо не хватался. Да и конфликт у него был какой-то с командиром полка подполковником Олейником.

Уехали в Россию, на родину матери в Брянск. Отец вписался в какие-то там политические расклады, вошёл в Союз офицеров, выступал за сохранение общей армии СНГ и ещё за что-то. Алексей не вникал. Ему только исполнилось тринадцать лет, он оказался в другой школе, в другом мире, среди новых людей. Только и мир, и люди тут оказались в стадии полураспада. Так что всем было не до политики, не ему одному.

А вот отца именно она и подвела. Союз офицеров был тот, тереховский, прославившийся активным неприятием новой российской власти. Алексей помнил, как папка собрался резко в Москву в конце сентября 1993 года. Поучаствовал в событиях возле Белого дома. Вернулся темнее тучи.

Засветившегося таким образом отца кадровики стали мягко, но упорно «динамить» – чётких отказов не давая, но и ничего реального не предлагая. Из Брянска, где семья Кравченко устроилась в квартире бабушки, в Москву – за очередной неудачей – было не наездиться.

Отец всё больше мрачнел, пару раз напился. А потом как-то резко плюнул на все хлопоты да и подал в отставку.

Прозвучало, правда, как-то в одном из позднейших пересказов, что намекнул ему кто-то сердобольный на такой выход. Пока, дескать, не поздно, подавай рапорт. Не то и нормальная отставка под вопросом окажется.

В общем, махнул отец рукой теперь и на политику – и устроился военруком в школе. Хорошо, что в пятьдесят третьей, а не в той, куда определили Алексея. При отцовской-то требовательности ему пришлось бы особенно кисло...

Впрочем, и с бабушкой, которая преподавала в его тринадцатой, тоже был не сахар. Хотя она и вела уроки в начальных классах, но семейного-то контроля как избежишь...

Так и жили на улице Ново-Советской в городе Брянске, тихо и уже без бурь, политических и житейских.

Мать устроилась на автозавод. Там, однако, дела пошли вскоре весьма худо. Девяностые, что взять... Весь Брянск встал. Включая знаменитый БМЗ. Заводы сдавали помещения под офисы, телепались со спорадическими бизнесами, выполняли разовые заказы.

Зато отцу приходила завидная по брянским меркам военная пенсия, шла зарплата в школе – выживали неплохо. Даже квартиру однокомнатную приобрели – отец каким-то образом провернул. Туда бабушка переехала, сказав, как отрезав: «Я одна, что ли, в трёхкомнатной жить буду. Отдавайте мне эту!» Впрочем, оба дома были недалеко друг от друга, в Бежицах.

Отец в то время как-то воспрял. А через несколько лет признался Алексею: «Знаешь, всё время чувствовал себя как примак приبلудный. Неуместно офицеру. А тут вроде своё жильё приобрёл, плечи развернулись».

Вот так, с развёрнутыми плечами, и встретил свою гибель...

Глава 2

Отец давно собирался вывезти бабушку в Брянск. Хотя – что значит «давно»? Поговаривать об этом начал с марта, когда пошли непонятные движения с захватами госадминистраций. Но опасности особой вроде бы не предвиделось: то дела областные, политические – сколько от них расстояния до старушки-пенсионерки в частном секторе Алчевска?

В апреле расстояние вдруг резко сократилось: пятого числа по Луганской области прокатились обыски и задержания активистов Антимайдана. А том числе и в Алчевске. Бабки знают, как правило, всё. И отцу бабушка по телефону рассказывала, что захваты производила киевская «Альфа», что люди в масках ездили по городу и производили аресты.

В том числе повязали лидера местного ополчения. Вроде даже видели люди два автобуса бандеровцев на Парковой, возле Парка Победы. Вооружены до зубов.

Шестого апреля сообщили, что повстанцы захватили здание СБУ в Луганске.

Это ещё не казалось революцией. Более того, было ощущение, что хунта в Киеве шатается, а пророссийские силы на Донбассе близки к победе.

Но вскоре все карты смешало появление в Славянске 12 апреля группы Беглова. И вооружение ею местного населения захваченным у милиции оружием. И тут же – синхронно, словно этого и ждали! – объявление в Киеве о начале военной «антитеррористической операции».

Тогда, конечно, подробностей известно не было. Но Алексея впечатлила озабоченность Яценко, когда тот вызвал его в кабинет и начал спрашивать, ничего ли Кравченко не забыл указать в отчёте о крымской командировке и не имел ли он тогда случайно контактов с неким Миркиным, активистом самообороны, или, возможно, что-то слышал о нём от третьих лиц.

Алексей шефа тогда разочаровал, но позднее поразился провидческим – или аналитическим – способностям отца. Который в телефонном разговоре через пару дней заявил, что отныне на Украине спущен крючок гражданской войны.

Но шла она поначалу вроде бы в пользу повстанцев. Да и далеко были бои от Алчевска. Бабушка, во всяком случае, начисто отвергала все разговоры о вывозе её в Россию, горячо убеждая сына, что у них всё спокойно.

При этом ситуацию дополнительно осложняло то, что мобильный телефон бабушка не признавала. То есть принимала, конечно, как средство связи, но обращаться с ним не умела. Да и не хотела учиться. Трубка у неё вечно лежала разряженной. Покамест кто-то из соседей не придёт и не поставит на зарядку. А когда нужно было, ходила к ним, чтобы попросить дать ей позвонить. Иной раз приносила им свой аппарат, прося подзарядить.

После этого дня три-четыре-пять связь с нею была – «быструю» кнопку с номером сына она нажимать, естественно, научилась. Как и отвечать на звонки. Когда, правда, она их слышала. Потому как телефон сиротливо лежал в зале, а бабушка в это время могла быть где угодно – на огороде, в магазине, у тех же соседей. Да и просто на скамеечке у калитки – для поболтать с другими бабками на вечные бабкины темы.

В общем, телефон в её доме был сиротой. И отец дополнительно нервничал, особенно когда непонятно было, что творится на Украине.

Так – в безуспешных попытках убедить её уехать – прошёл май, затем июнь.

Референдум 11 мая, как и ожидалось, ничего не изменил. Украинские войска тоже, как казалось из сообщений, особых успехов не добились. Но события развивались, и параллельно укреплялась решимость отца вывезти мать в Брянск, невзирая на всё её сопротивление.

Он собрался за бабушкой в начале июля, когда прошли сообщения об оставлении Бегловым Славянска и обстрелах Луганска из артиллерии. Отец позвонил Алексею и вполне уверенно – он ведь был знающим данную конкретную местность офицером – предсказал, что

далее следует ожидать окружения Луганска. Значит, неизбежно навалится украинская армия на Металлист, Александровск и Юбилейное.

Соответственно, Алчевск автоматически попадает в прифронтовую зону. О том, чем это может обернуться для 80-летней старушки, говорить не приходится.

Когда же сначала пришли, а затем подтвердились сообщения, что Беглов оставил Славянск и переместился в Донецк, отец твёрдо решил ехать, невзирая ни на что. Алексею он говорил: «Помоги, Донецк он тоже не удержит. Это какой-то “шурик”, а не командир. А там воевать надо, а не красоваться».

Позже Алексей опять поражался аналитическому видению отца, когда уже в Луганске до него стали доходить слухи о том, что Беглов действительно собирался сдать Донецк. Причём слухи эти были не обывательские, а шли по офицерам от источников из самого близкого – впрочем, уже бывшего – окружения этого человека.

Затем одно за другим пошли сообщения, что погранпереходы постепенно занимаются киевскими силами – Мариновка, Успенка, Краснопартизанск. Российские пограничники эвакуируются от обстрелов в Гуково и Изварино.

Наконец, 1 июля сразу из двух источников – из погрануправления ФСБ в Ростове и от главы Таможенной службы – прозвучали сообщения, что три контрольно-пропускных пункта в области прекратили работу. И плюс к тому у Изварино и Краснопартизанска начались боевые действия. Затем сообщили, что 3 июля украинская армия установила контроль над пропускным пунктом Изварино.

И как быть? По полю переходить границу? Как контрабандист? А обратно? Не полем же тем вывозить старушку с вещами!

Всё становилось непонятно и зыбко, а отец, который привык, что в жизни должно быть по возможности всё ясно, от этого нервничал и переживал. И прежде всего ярился из-за своего бессилия – его, советского офицера, бессилия! – выручить из беды собственную мать.

Алексей ничем не мог ему помочь: Яценко незадолго перед тем как раз послал его в командировку. Причём в специфическую, в Латвию. Надо было там по заказу одного серьёзного завода поискать ключики к местным бизнесовым и исполнительным структурам в условиях санкций и контрсанкций.

Пока суд да дело, 13 июля появились сообщения об охвате Луганска, как отец и предсказывал, со стороны посёлков Металлист, Роскошное, Юбилейное и Александровск.

Алчевск оказывался у них в непосредственной близости. И пока Алексей сидел с нужными людьми в продвинутом ресторанчике недалеко от Рижского порта да демонстрировал силу воли, шлёпая по холоднющей – сгонный ветер поработал – воде взморья до положения «по шейку», когда даже ногти на ногах замерзали, – отец и уехал за бабушкой в Алчевск.

В том, что удалось разобрать из разговора с ним по телефону – очень трудного в смысле качества связи, получалось, что бабка уезжать по-прежнему не хочет. Но отец её практически додавил. Только ситуация опять изменилась и как теперь выбираться, непонятно. По сообщениям, от Краснодона укров уже отбили и даже окружили близ Изварино. В то же время обстреливают они Луганск из миномётов, а также держат Лутугино и аэропорт. И там не проехать, получается. Последнее, что разобрал Алексей, это фразу отца о намерении выбираться через Петровское – Ивановку – Красный Луч – Свердловск и Краснопартизанск на Гуково.

Как выяснилось вскоре, в конце концов папка избрал всё же другой маршрут. Который и привёл его к гибели...

Потом уже Алексей установил, что у того были более чем весомые основания нервничать и менять решения. Вокруг пунктов пропуска на границе творилась полная катавасия. Ещё утром 10 июля с таможенного поста «Донецк», что напротив украинского «Изварино», из-за интенсивной стрельбы были вынуждены эвакуироваться сотрудники. Тогда же обстрелян был КПП «Гуково». Российские пункты пропуска «Донецк», «Новошахтинск» и «Гуково» при-

остановили работу. Оно и понятно: на том же «Гуково» снаряды стали залетать уже на российскую территорию.

Попытку сына заикнуться о помощи отец решительно отверг. Но Алексей всё равно решил срочно выехать в Алчевск. Он заказал билет на самолёт на утро.

Вот только связи не было. Отец на звонки то не отвечал, то в трубке повисало неживое молчание, после чего она сама отсоединялась и переключалась на обычный режим. Не предугадать было, что Алексей вылетает к нему. Но такое бывало, и он пока ещё не очень беспокоился.

А потом позвонил тот таксист...

* * *

Айдаровцам поначалу просто хотелось поглумиться. Устроили на перекрёстке что-то вроде блок-поста. Не такого, как обычные, а вроде временного. Вот как дорожные полицейские устраивают, спрятав машину за кусты и выйдя на дорогу. Только тут вместо полосатых палок в руках у «патрульных» были автоматы. Оттого они видели себя вершителями судеб «поганых сепаров».

Редкие автомобили они останавливали, приказывали всем выйти, тщательно разглядывали паспорта и обыскивали вещи. Допытывались, не сепаратисты ли, нет ли родственников, что воюют на стороне «террористов». Словом, всё как обычно, когда в руках есть оружие, а в мозгах – желание показать свою силу и власть над людьми. Ну, заодно денег посшибать.

Правда, тут, на ледяном просёлке, убитом ещё до первого майдана, нужных жертв всё никак не попадалось. Всё больше такие же, как дорога, ледяные деревенские колымаги, выпущенные чуть ли не при Горбачёве и перевозящие всякое барахло с дачных посёлков, оказавшихся в зоне боёв. И сам себя назначивший «командиром взвода» Валентин Безверхий, сам взявший себе позывной Лихой, уже хотел приказать снимать и ехать дальше – тут была ещё полная чересполосица и можно было так вот дожидаться не заплутавшего сепара-москаля, а какой-нибудь их целый отряд на «шишиге». Со всеми вытекающими последствиями для оторвавшегося от своих «взвода» добробатовцев из восьми человек.

Но вот тут как раз и выехала прямо на них машина-такси с тремя людьми внутри. Водитель, бабка старая и мужик в гражданском, ещё не очень пожилой. А при остановке и досмотре выяснилось, что это – человек с российским паспортом. Неважно, что уже явно староват для бойца. Оккупант! Когда вы уже отвязаетесь от нас, москаляки поганые! Когда уже перестанете цепляться за нас, не давая идти в Европу!

* * *

Последующее Алексею рассказал таксист, что вёз отца с бабулей к границе, к переходу.

Отец тогда ответил остановившим машину военным: «В Европу? Да идите! Только сами идите. А мне мою землю оставьте. Чего ради вы прётесь в Европу с моей землёю?»

Те заорали: «Твоя земля – Кацапия! Это ты к нам пришёл!» И опять: «Оккупант! Колонизатор! Угнетатель!»

И тогда, по словам водилы, отец ответил: «Нет, ребята, это – моя земля. Я на Луганщине родился и вырос. Я её защищал, когда служил в армии. Здесь могилы моих предков. Так что это вы – чужаки тут! Безродные, как шакалы. Побираться в Европу собрались? Скатертью дорога! Только шакалы там без нас. А мы уж тут, на нашей земле, как-нибудь без вас обойдёмся...»

А потом всё произошло очень быстро, рассказывал шофёр. Укры что-то загалдели все вместе, потом раздался громкий и чёткий голос отца: «Сами скачите, а я вам не козёл! Я – русский офицер!»

И тогда раздалась очередь...

Алексей узнавал в этом родного своего старика. Да, он такой. Негибкий. Спины не гнул. «Погоны, – говорил, – сгибаться не дают». И это: «Я – русский офицер!» – это его.

И погиб, не согнувшись.

Глава 3

Отходили быстро. Это уж как водится. Не хочешь пролить кровь – проливай пот. Сначала – в судорожном отползании, затем в беге по пересечёнке.

Последней сценой спектакля оказалось то, что планировали на первое, – изобразить стрелковку. А понятное дело, что неподалёку от блокпоста у противника танчик затихарился, да бэха в балочке притаилась. Те как раз, что обстрелами по мирняку баловались.

Понятно, что экипажи на ночь не в стальном металле кукуют, а в тёплом блиндаже. Но добежать сотню метров до своей техники – меньше полминуты. А дальше пойдут шмалять по вспышкам автоматным. А то и искать поедут дерзких наглецов, что спать помешали.

Последнее, конечно, маловероятно – никому не хочется словить в бочину заряд из «Аглени»⁷. А это ночью, да во время диверсионного нападения – запросто.

Но Алексей давно, ещё с чеченской, приучил себя к тому, чтобы перед боем расписать в уме все возможные опасности. Как раз после той памятной засады под Шатоем решил, когда валялся в госпитале с заново собранной голенью и всё прокручивал и прокручивал перед мысленным взором случившееся. И раз за разом приходил к одному и тому же ответу: мог, мог заранее предугадать, где и откуда конкретно их встретят. И мозг ведь сигналы о том давал: тянуло что-то в груди, будто вместо сердца в неё гранату привесили.

Ну а что изменить-то можно было? Кто-то послушает летёху-мальчика, у которого то ли желудок, то ли задница об опасности вещуют? Ты кто? Ах, командир взвода? Ну и помалкивай. Прись себе в передовом охранении, наблюдай.

Вот и пёрся...

Словом, на сей раз, как и всегда с тех пор, Алексей постарался предусмотреть по максимуму всё, что могло случиться хотя бы теоретически. Пути отхода проверены и промерены – две ночи ползали. И время высчитано. Покамест Злой из своего «Печенег» обозначал продолжение обстрела, Шрек и Ведьмак с «калашами» споро ретировались к боковой балочке. Злой-то, слава богу, с километра сажал, с расстояния фактически безопасного – ежели, конечно, танк в расчёт не принимать. Ну, так для того и смена позиции Юрке тоже заранее припланирована.

Кстати, под его экономную трещотку надо и самому отходить. Хоть и велик соблазн подвалить танкистов из «винтореза», да риск не оправдан. Танкисты не дураки, по открытому месту не побегут. Да и «винторез»... Хорош, конечно, прибор, но далеко не с километра работает. Вот и залегли на четырёхстах метрах, и теперь отползают под «крышей» Злого. А командир – своим путём. Тоже, впрочем, извилистым...

* * *

После второго ранения и госпиталя, где ему практически спасли глаз, капитан Кравченко, вроде бы заслуживший и награждённый, армию был вынужден оставить. В сентябре 2009 года у него заканчивался срок контракта. Но это мало бы что значило, не начнись реформирование вооружённых сил по рецептам «мебельщика» – нового министра обороны Мордюкова. Если уж реальному герою Лёшке Выхватову – ставшему Героем России за действительно блестящие действия в Цхинвале – не нашлось места в армии, то что говорить о его менее заслуженном коллеге? К тому же с заштопанной роговицей, из-за чего глаз потерял природную форму и теперь проецировал в мозг искажённые, двоящиеся контуры предметов.

⁷ «Аглень» – гранатомёт.

Штабная работа, очёчки – пожалуй, и пошла бы далее такая служба, если бы не затеянное Мордюковскими бабами сокращение армии. А тут полк их взяли и расформировали – года не прошло. И, слив со 135-м полком, 4-ю гвардейскую военную базу образовали. В Цхинвале же.

Но – уже без капитана Алексея Кравченко.

А вручили капитану Кравченко медаль «За отвагу», и дали понять, чтобы на продолжение контракта не рассчитывал. Тут и зрячих Героев на дембель отправляем...

Правда, денег дали прилично. И вообще, и за боевые. По полторы тысячи рублей за сутки.

И сертификат на квартиру дали. Повезло сильно. Гораздо больше, чем многим. Видно, сыграло роль то, что тогда в Цхинвале на глазах командира полка успешный бой организовал. И выслуга в десять лет как раз подоспела – спасибо Чечне.

Нет, медаль – это было приятно. Авторитетнее иного ордена медаль-то эта... Но как жить дальше, было совершенно неясно.

На том и покинул капитан Кравченко воинскую часть 20634-ю, что за Ботаническим садом во Владикавказе...

Время от времени Алексей мотал головой, когда вспоминал о тёзке из 135-го полка. Вот ведь как много от приказа зависит! Получил его Выхватов от командарма, лично и непосредственно. И пошёл творить чудеса в Цхинвале. Будучи как бы личным порученцем командующего. А значит – грудь в крестах или голова в кустах. Голова осталась на плечах – значит, должна была реализоваться первая часть формулы.

А ты вот там же, но всего лишь под командиром полка воюешь. Да комбат тут же и тоже командует. Улицу против танков грузинских удерживали. Алексей боевыми тройками с гранатомётчиками управлял. Два танка сожгли, два захватили – чья заслуга?

Ну конечно, командира! Особенно, если он, согласно рапорту, лично боем управлял. И уж точно – не ротного Ваньки, когда он на глазах начальства воюет. Удачно воевал – значит, правильно выполнял приказы командира. Неудачно – ну, тут ясно...

А тут ещё осколок, да ловко как! Бровь, веко, щёку разрезал. А главное, по роговице чикнул. Глаз, как выяснилось потом, остался зрячим – осколок именно черкнул, резанул роговицу словно по методу академика Фёдорова. Это врачи позже говорили, качая головами и соглашаясь с наличием чуда. То есть что глаз не вскрыло совсем – раз, и что в рану не зашла инфекция – два. И в том, и в другом случае с органом зрения можно было бы попрощаться.

Чудо чудом, но это – глаз. Без него боя больше уже не поведёшь. Так что вроде и повоевал, а вроде и из строя быстро вышел. Оставил, получается, начальников посреди сражения. А в этих условиях и «За отвагу» – вполне себе по обстоятельствам...

Это как раз позднее Тихон Ященко объяснил. Когда Алексей как-то, уже работая в его «Антее» и расслабившись после коньячка, посетовал, что вот, мол, медаль после ордена получил. На снижение, мол, пошёл...

* * *

Тихон Ященко был человеком загадочным. И иногда – страшноватым. Нет, не какими-то там чертами характера или поведением. Или манерами. Манеры у него как раз были самые простейшие. На первый взгляд даже – простонародные. Он, например, говорил не «бумажки», а «бумахки» – именно так, через «х». Он говорил вместо частицы «ли» – «ле». Он типично помалороссийски «гэкал». Хотя это как раз нормально, ибо был он по происхождению казаком, и впрямь происходил с Дона, хотя жизнь ещё его родителей занесла в Сибирь.

Вот из-за этих манер Ященко и казался поначалу малость безбашенным дядькой из простых народных что ни на есть масс с простой народной судьбой. Но это было впечатление ошибочное. Судьба у Тихона, когда Алексей о ней в процессе общения с этим человеком узнал поподробнее, была очень непростой.

Ященко в армию был призван ещё при Союзе. Попал в Нагорный Карабах, как раз в ту пору, когда там волнения уже переросли – и в годы его службы переросли – в войну. Что-то там было, в той службе, из-за чего Тихон явно не любил о ней вспоминать. Но в то же время чем-то она его, видно, зацепила, потому как потом он, фигурально говоря, на войне так и остался.

После развала Союза Ященко пошёл по горячим точкам. Судьба словно вела его за руку по всем возможным войнам, благополучно оберегая до времени от серьёзных ран. Он последовательно отработал новую командировку в Карабахе – уже после срочной службы, затем прошёл через Южную Осетию, Приднестровье, Абхазию (дважды), Сербию и Чечню.

Как он признался однажды, – а они в госпитале долгие разговоры вели – Ященко ощущал себя чем-то вроде белого офицера, мотавшегося по фронтам Гражданской войны. При том, что убеждениями был скорее «красных», советских. Но он чувствовал себя словно последним солдатом Империи, которую надо спасать и которую он должен спасать, несмотря на то, что сам знает: это уже невозможно. Но вот так просто наблюдать за её развалом и угасанием он тоже не мог.

К тому же война – а в Тихоне легко уживалась эта вот непонятная романтика и вполне бытовой прагматизм, подчас почти переходивший в цинизм, – это место, где и платят много. Если уметь правильно поторговаться. Нет, не наёмник, не «гусь войны» – Тихон всегда сражался на той стороне, где это соответствовало его убеждениям. Но уж если рисковать жизнью, передавая знания, умения и воинский опыт не своим солдатам, – то уж ему-то должны и платить хорошо. Из третьей поездки в Карабах он как раз и привёз весьма недурственную сумму, на которую и смог впоследствии начать жизнь бизнесмена, организовав охранную фирму.

Из Чечни его, правда, вывезли довольно серьёзно раненным – с практически раздробленной ногой. Они потому и встретились в госпитале – лейтенант-разведчик с первым ранением и отставник-контрактник на плановой реабилитации после очередной операции на ноге. Не старый ещё, но с такой чувствовавшейся во всём аурой боевого волка, что Алексей и гадать не решался, где тот побывал.

Их сблизило поначалу то, что лежали с практически аналогичными ранениями – сложной сочетанной травмой голеностопного сустава. И получены раны оказались в сходных обстоятельствах – Ященко тоже на первой чеченской фактически спас попавшую в засаду колонну, упав за пулемёт убитого бойца и выкосив аж два гнезда «духовских» гранатомётчиков. С практически раздробленной ногой!

И тоже получил «Мужество», хотя, как рассказал, выдвигали на «Героя». Но – казак, контрактник, чужой. Обойдётся и так. Тем более что с казаками у армейских были тогда серьёзные трения. Жестоки бывали казачки по отношению к «чехам», что уж там. Часто тем самым путая карты федералам, как раз тогда игравшим в не забавные игры под названием «шаг вперёд – два шага назад».

«Эх, нам бы тогда, как вам, разрешали бы без раздумий применять оружие по всему, что сопротивляется, – как-то проговорился Ященко. – Рассказывали ребята с вашей войны, что не было уже тех ограничений, что нас вязали по рукам и ногам. Аж завидно».

Но поскольку Тихона ценили за боевой опыт, он и после ранения, на гражданке уже, так или иначе оказывался необходим различным армейским и другим структурам, чьи поручения исполнял.

Или не исполнял, если не считал нужным.

Вот на этой стезе Тихон себя нашёл в роли вольного руководителя независимой охранной фирмы. Но мирная жизнь плохо клеилась к Тихону Ященко. И он как-то неожиданно даже для себя самого переквалифицировал свой поначалу чисто охранный бизнес в нечто менее определённое, хотя и более конкретное. Он так и сказал Алексею, а тот постеснялся спросить более точное определение Ященковской тогдашней деятельности. Во всяком случае, в этом своём

воплощении главы охранного агентства Тихон стал во главе таких же, как он, «оторв»-казачков. Которых бандитами не позволяло назвать только одно обстоятельство: Яценко никогда не работал на криминал. И никогда не выполнял «грязных» заказов. Не говоря уже о «мокрухе»...

Фирма его конкретно не обслуживала никого, но, в частности, работала на многих. В том числе и...

Это называлось – по контракту.

А те организации, что следовали за предложением «и», давали иногда необходимое содействие. Или не давали. Но это тоже входило в цену контракта...

Так и осталось неясным, что нашёл опытный вояка, отшутившийся в ответ на вопрос о звании – «Зови есаулом, не ошибёшься», – в лейтенанте Кравченко. Не считать же действительно причиной ту, что показал Яценко, – что земляки они. Тихон был родом из Донецка – из российского Донецка, что рядом с Изваринским переходом. Верно, до Луганска недалеко. И до Алчевска. Но Луганск и Алчевск – не казачья область. И вообще Алексей родился вовсе в Воронежской области. А Тихон жил в Сибири. Так что сближало, разве что, лишь то, что оба вернулись на «историческую родину».

Но если Яценко стал там казаком – или вернулся к корням, как посмотреть, – то Кравченко ни донбассцем настоящим стать не успел, ни тем более в казаки не верстался. Никогда и не тянуло. Вот не хотелось ему быть казаком! Особенно тем, какие отсвечивали попугайской униформой и опереточными медальками в 90-е годы.

Но таких, как Тихон Яценко, можно было только уважать. И даже чуть преклоняться...

«Орден у тебя за что? – рассудительно пояснил в тот раз Тихон, прекрасно зная, впрочем, за что Алексей получил “Мужество”. – За Шатой. А Шатой у нас что? Официально объявлен последним сражением войны. Соответственно, победным. Тут в мозгах любого командира и штабного все награды на ступень поднимаются».

Алексей тогда усмехнулся – значит, и ордена тогда не заслужил?

«Нет, “Мужество” тебе вполне по заслугам дали, – правильно поняв ухмылку, пояснил свою мысль Яценко. – Разведчики обнаруживают засаду противника, вступают в бой. Предупредив командование о засаде, молодой лейтенант, получивший тяжёлое ранение, прикрывает из пулемёта своих солдат, не давая противнику поднять головы. И, удерживая таким образом его внимание на себе, способствует успеху всего подразделения, обошедшего противника с тыла. Правильно излагаю? Хоть сейчас в наградное...» – теперь усмехнулся уже Яценко. И Алексея в очередной раз поразило, насколько опытен в реальных армейских делах этот как бы простой казак с вечной хитринкой в светлых глазах.

* * *

Вот так и болтали днями в палате опытный казак и раненный едва ли не в первом же бою лейтенант – о службе и о жизни. А когда расставались, Яценко дал телефончик, названный им «заветным», и просил звонить, как будет Алексей проездом.

Звонил. Пару раз, когда оказывался в Москве. Ибо туда давно уж перебрался бравый казак Яценко. И там возглавил некий ЧОП. Каждый раз оказывавшийся с новым названием, когда Алексей наносил Тихону визит.

Отгуляв положенное после увольнения из армии, купив по сертификату квартиру в Ростове – поднадоел ему Кавказ, если честно, хотелось чего-то более родного, – искупавшись с женой и детьми в море и посетив родичей в Брянске и Алчевске, встал капитан Кравченко перед проблемой: чем заниматься и на что жить?

Ростов при близком рассмотрении оказался городом суетливым и несколько... Ну, излишне рыночным, что ли. В простоте тут работали, кажется, только люди, сидящие между улицами Менжинского и Страны Советов. В заводе которые работали, иначе говоря.

Однако же Алексей чувствовал, что и это представление обманчиво. Те ещё дела, по слухам, творились на «Ростмаше». Да и что ему, отставному офицеру без гражданской специальности, делать в заводе? Парашютный клуб организовать? Ага, с его тремя прыжками в училище? Или кружок боевых искусств? А какие из них он знает-то кроме довольно стандартного армейского комплекса? Этак и кружок по самбо можно открыть. Или военруком устроиться, как отец.

Меж тем жена завела свою машинку по вытягиванию нервов: когда, мол, на работу устроишься, а то детям купить нечего. Логика, конечно, та ещё, женская. Но частично Светка права была, конечно: в ходе переездов и ремонтов поиздержался отставной капитан. Хотя никто не голодал. Да и сама Светка, традиционно для офицерской жены выпускница пединститута, устроилась в школу, музыку преподавать. Не бог весть какие деньги, но всё ж...

А главное, как ни крутись, но порядочной работы для мужчины без гражданской специальности в Ростове не было. Хоть к бандитам подавайся. И то если ещё возьмут. Бандит ныне в Ростове цивилизованный пошёл. Весь в большом бизнесе ныне бандит ростовский. А в бизнес Алексея не тянуло никак. Впрочем, никто и не предлагал. А своего стартового капитала... Ну, разве сигарет оптом закупить и на рынке продать в розницу. Рублей двести прибили можно получить...

Можно ещё в милицию податься. Оно, конечно, путь туда значительно осложнился, и за хорошие должности мзда уж больно неподъёмна. Но в простые опера-то, пожалуй, возьмут? С опытом-то боевой разведки?

Но тут уже жена была против. Категорически. Наслушалась да фильмов насмотрелась, как опера живут, дома не ночуют.

Или пойти в ЧОП? Овощебазу охранять? Опять же – картошечка всегда в доме, огурчики. Сопьёшься, правда...

Вот так и пришёл Алексей к мысли позвонить Тихону Яценко. Может, предложит чего. А нет – ну, поглядим. Всё равно в Москву надо съездить, воздух понюхать. В Москве нынче вся сила, как говорится. Какая-никакая работа да сыщется...

Яценко сказал: «Приезжай, поговорим...»

Вот в том разговоре Алексей и уяснил несколько важных вещей.

Первое. Есть масса достойных людей. У некоторых из них в процессе трудовой деятельности возникают вопросы. Которые нельзя или нежелательно решать с помощью МВД или ФСБ. Не потому, что вопросы носят криминальный характер. Просто подчас встречаются щекотливые детали, в кои государство лучше не вовлекать. И опять-таки – не из-за криминальной их природы – а просто в силу ограниченности правового поля, в котором вынуждены работать официальные государственные органы.

«Примерно как в 92-м году в Абхазии, – пояснил Яценко. – И абхазов от вырезания грузинами надо защитить, и кое-какие интересные штучки в Нижних Эшерах от чужого глаза уберечь. Но государству Российскому, которому лаборатория – то ли обсерватория, хрен помню, – принадлежала до распада Союза, формально больше ничего не принадлежит. А хозяйка у неё уже – суверенная Грузия. А та спит и видит, как бы самой отдалась – а особенно всё продать – Америке. Президент республики с агентом ЦРУ разве что постель не делит. Так близко сошлись, что когда солдатик грузинский машинку обстрелял... с целью ограбления, как потом расследование показало, да... в общем, где тот агент ехал с двумя бабами и начальником охраны Шеварднадзе. И – вот ведь роковая случайность! – попал солдатик прямо в агента того. Несмотря на бешеный рикошет. Солдатик-то спереди стрелял, а американцу пуля почему-то в затылок вошла...»

Алексей хмыкнул. Слышал он про эту историю. Ещё в училище. Неужели Тихон... это?..

«Нет, – увидев его озарившееся догадкой лицо, покачал головой Яценко. – Я ещё тогда простым казачком был».

А, ну да! Вспомнил Алексей, как рассказывал Тихон в один из долгих госпитальных вечеров о тех временах. Как решили вчерашние советские мужички официально вернуться в казачье сословие. Ну а там уж как положено: форма, пьянка, удаль... «В себя пришёл в Гудауте, – вспоминал тогда ещё будущий шеф. – Все вокруг страшные, похмельные... Рожи такие – у! Взглянешь – и снова напиться тянет. От страху... Кто, как всё организовал – убей, не помню! Ну а что делать – казаками ведь назвались. Похмелились винцом местным и пошли воевать...»

«Но дело не в этом, – вернулся к рассказу Тихон через свою любимую фразу. – Тем более агента того только через год подстрелили. Кстати, солдатику пятнадцать лет дали. Прикинь? – за неумышленное...»

– Но дело не в этом, – снова повторил он. – Факт, что напрямую вмешиваться в конфликт России вроде бы и нельзя – независимые ведь все вокруг стали, суверенные. А имущество и, главное, секреты, защитить нужно. Как быть? Конечно, в том правовом вакууме 345-й полк десантуры туда бросить было ещё можно. И бросили. Но это, понятно, не решение, а временный выход из задницы. Нельзя ещё было тогда напрямую грузин к миру принуждать, как в восьмом году. Вот и объявились там казаки и чечены на стороне абхазов.

Впитал аналогию?»

Алексей кивнул. Понятно, что там. Патриотическое движение Шамиля Басаева...

Второе, продолжал Яценко. Есть опять-таки масса достойных людей, у которых возникают трения с уголовным элементом. Но идти к другому уголовному элементу, чтобы решить проблему, они не хотят. Кто из принципа, кто – которые умные – потому, что знают: с этими один раз связался – не развяжешься. И люди эти ищут кого-то, кто стоит на светлой стороне и способен уладить ситуацию оперативно, энергично и без продолжающихся последствий.

И снова привёл пример. Похитили некие бандюганы в Питере ребёнка у одних бизнесов. Девочку. Хотелось подкрепить ею свою аргументацию в споре хозяйствующих субъектов. Бизнесы вышли на тамошнего смотрящего. Но тот затребовал долю ещё большую. Тогда бизнесы обратились в тогдашний ЧОП Яценко. Как ни забавно, но посоветовали это им в милиции. «Со смотрящим мы разошлись бортами, – рассказал Тихон. – Он примерно представлял, кого мы можем подтянуть в плохом случае, – так что удовлетворился толикой малой от бизнесов за беспокойство.

А тех похитителей мы нашли. И побили. Ах, как мы их били! Внушали, что детей воровать и использовать в разборках, – грех великий. Мы ж казаки, православные. Взял я тогда, правда, тоже грех на душу – главного ихнего мы всё же на ломик подвесили. Потому как нехорошо он с девочкой обошёлся.

А потом в задницу ему ломик и воткнули... Но ты не хмыкай, ему уже не больно было. Почти... На фоне всего перед тем пережитого».

Наконец, третье, после очередной стопки прихлопнул ладонью по столу Тихон. Что стало важным теперь. Россия опять проснулась и опять обнаружила у себя интересы. Но в качестве опять-таки ответственного правового государства она не всегда может позволить себе обеспечить их напрямую. Или правового поля не хватает, или светиться нельзя. И тогда некоторые патриотически настроенные люди ищут некие самостоятельные организации. Которым можно поручить представить интересы России неформально, но действенно. Либо сами создают такие организации. Ну, как действуют такие же люди, скажем, в США...

Есть тут одна закавыка: действия иногда требуются быстрые и решительные, но государственным спецслужбам поручить их нельзя. Либо специализация не позволяет, либо политические соображения. Либо законодательные ограничения, через которые государство своим спецслужбам переступить не позволяет, не то в разнос пойдут. Опыт в тридцатые годы в этом смысле большой появился.

«И вот, знаешь, были в революционные и потом годы такие особые боевые отряды ЦК, – с насторожившей Алексея ленцой сказал Тихон. – Наряду с ЧК, с частями особого назначения, всякими прочими структурами. Такой как бы личный резерв партии.

Чего этот личный резерв всего делал, – вряд ли и историки знают. Скорее всего, засекречено и по сей день. Но сам понимаешь, если есть потребность, то появится и функция. Вот мы подчас этой функцией и выступаем...»

«А кто сейчас ЦК?» – спросил Алексей.

«Тебе поимённо состав назвать? – ухмыльнулся Тихон. – Всё просто, капитан. Кто империей управляет, тот и ЦК».

«Парадоксальненько, – протянул Алексей. – Империя и ЦК? Не ЦК ли и разрушил империю?»

«Плюнь, – посоветовал вдруг очень серьёзно Яценко. – Одну разрушил, другую построил... Это – игры политиков. А Россия – всё равно империя. Только не империалистическая. То есть построенная не за счёт ограбления колоний, а соборная».

«Православная?» – хмыкнул Кравченко.

«Соборная. Общий дом. Иначе в ней жить не получается. Как только кто отдельную квартиру заводит – тут и жди гражданской войны. Холодной или горячей».

Алексей повертел эту мысль в голове. В госпитале Тихон об этом не рассуждал. А уж какие по политике разговоры вели! Опасался, а теперь нет? Вряд ли. Ведь в госпитале-то свеженького ещё, неизвестного и непонятно куда нацеливающегося Путина тот же Яценко куда как критически обсуждал! Алексею приходилось даже защищать президента – всё ж под его управлением вторая чеченская победной оказалась. Смыли позор Хасавюрта...

«Вот сильный был политик Ленин, – продолжал между тем Тихон, держа на вилке обречённо повисший солёный огурчик. – Ладно, признаем: в октябре 17-го он поднял власть, валяющуюся под ногами. Хотя если бы не он, большевики её не подобрали бы. Просто потому, что остальные главные лица в партии особо в восстание не рвались».

Но! Потом-то надо было победить в такой Гражданской, которая случилась! И победили! И вот это – мирового уровня политика. Самому Наполеону меньше трудиться пришлось ради власти!»

Чокнулись, закусили.

«Но Ленин был доктринёр, – ого, какими словами оперирует казачина сошный-почвенный! – Потому настоял на совершенно дурацком и, как показала история, преступно-идиотском решении – разделить империю на союзные республики. Единое тело – на несамостоятельные огрызки. Пока Сталин правил – это не имело большого значения. А как только инерция его правления закончилась – всё и развалилось. Ибо – можно! КПСС разрешила!

Вот только история последних двадцати лет доказала, что самостоятельными отвалившиеся куски империи быть не могут. И не потому, что не умеют – в конце концов в подавляющем большинстве бывших республик у власти бывшие коммунисты остались, даже в Прибалтике. А где-то, как в Казахстане или Узбекистане, и вовсе прежние члены политбюро. В непрофессионализме политическом не упрекнёшь. А кого? Ислам-акэ Кяримовэ? Нурсултан-ата Назарбая? Гейдар-муаллим Алиева, покойничка? Те ещё монстры политические! А вот не выходит ни у кого каменный цветок!»

«Прибалтика хорошо живёт...» – попытался возразить Алексей.

«Да брось! – поморщился Тихон. – Только за счёт перевалки наших грузов. Порты убери, империей, кстати, построенные, – и амба всей твоей Прибалтике. Да все, все бывшие республики живут только за счёт остающейся привязки к России. А кто отвязался – тот не живёт, а телепается. Вон как Грузия или Молдавия. Казахстан хорош, не спорю, но опять-таки на три четверти жив за счёт неразрывной привязки к Уральскому экономическому району. Туркестанские малыши, сам видишь, наполовину в феодализм вернулись, а второй половиной опять-таки

за Россию цепляются. Туркмения разве что на газе своём вполне самостоятельна. Но только до тех пор, покамест в мире существует негласное признание, что в пределах границ Союза – зона исключительных интересов России. Или, думаешь, отчего иначе Запад подёргался, да бросил Грузию после Пятидневной войны? Потому что Путин зубы показал: моё, мол, не нарушай установленного порядка».

«Я, кстати, с тобой эту тему не зря обсуждаю, – подхватив на вилку шматок капусты, заметил Яценко, совершенно трезвыми глазами глядя на собеседника. – Нам в том числе и в этих вопросах приходится иногда работать. Поэтому ты про газетки и телевизор забудь, а мыслить начинай реально».

«Да я и так», – пожал плечами Алексей. Газеты он действительно не читал ещё с армии, а по телевизору смотрел в последнее время только «Интернов».

«Вот и правильно, – одобрил шеф. – Кто у нас ещё? Азербайджан ничего, тянет. Ильхам, хотя и шалопаем был в юности, оказался достойным сыном своего отца. Да и школу МГИМО не спрячешь...»

«Шалопаем? – не сразу догнал Алексей. – Я слышал, что он даже преподавал в МГИМО...»

«Дамы, ваше высокоблагородие, дамы, – ухмыльнулся Тихон. – Хороший, наш человек. При том, что жена у него – ой, красавица! Мехрибан Ариф Кызы...»

Он поднял глаза к потолку.

«Подожди, когда же я её в первый раз видел? А! В 94-м году. Я ещё молодой, а ей было тридцать лет тогда. Так я сомлел, как мальчишка, когда её увидел! Но дело не в этом! – позже Алексей убедился, что это была одна из наиболее часто употреблявшихся присказок шефа. – У Азербайджана проблема в том, что ресурсов – нефти и газа – не так много осталось, как про то в Баку говорят. Европу запитать не хватит. Потому Ильхам, при всех тёрках с Арменией, чётко оглядывается на Москву и не дёргается.

Заметь себе: не потому, что боится не справиться – хотя этого боится тоже. Азеры – не воины, я это ещё в армии увидел. Это не мешает им быть хорошими людьми. Торговцы вон замечательные. Ну вот специализация такая, что поделать. Армяне тоже большими победами не знамениты, но это – куда больше бойцы. Особенно карабахские.

А потому умница Ильхам резких движений не совершает, что знает: негласно международно-правовая система поддерживается на всей системе прежних договоров. Понимаешь? Не на свеженьких, а на тех, что по результатам войн заключены были. И отменяют их только результаты новых войн. Или ликвидация правосубъектности соответствующего государства...»

Нет, непростой Тихон казачок, ой непростой! – ещё раз подумал Алексей.

«Потому Азербайджан у нас продолжает находиться “под крышей” Гюлистанского договора, то есть по-прежнему считается российским правовым пространством, – продолжил Тихон. – По той же причине никто не хватал Армению или Молдавию после развала Союза. Другие договоры, но принцип тот же. А Прибалтику пиндосы забрали, потому что Россия от неё в 1920 году сама отказалась. Как от Финляндии и Польши.

Словом, экономически и политически все к России привязаны. И отделиться от неё окончательно могут только с её согласия. Скажем, договориться о каком-то разумном процессе развязывания экономик – а что ты сделаешь, коли все друг к другу намертво привязаны? Экономически-то республика всё равно остаётся частью организма России. Пусть большой России, Российской империи. Но остаётся.

А без согласия... Не, даже и думать страшно. Гражданская война, как минимум...»

Ох, как прав был тогда шеф! Вот она, гражданская война...

* * *

Дальнейшие годы были интересным временем. Разумеется, задачи перед Алексеем Кравченко поначалу ставили несложные. Навести справки о человеке. Проследить за его «лёжками». Поработать в силовом прикрытии.

Алексей исполнял всё старательно и вдумчиво, даже предусмотрительно. Ему всегда по жизни хватало одного урока для продуктивных выводов. А шатойский урок был весьма действенным.

Наряду с вполне рутинной для любого ЧОПа деятельностью – «Антей», конечно, овощебазы не охранял, но эскортные и подобные услуги оказывал, – кое в каких делах он был полезен людям весьма влиятельным. Выступавшим как от своего имени, так и от имени государства. В последнем случае конечно же – сугубо неформально.

В политику, впрочем, «Антей» не вмешивался – «мозгов у нас мало для политики», говорил Ященко. Но поучаствовали в дискредитации «белоленточных» протестов: посодействовали минимизации их финансирования, проследили и частично пресекли ряд схем взаимодействия между политизированными НКО и заграницей. Пару раз Алексей в группах туристов выезжал за границу. Ничего незаконного – только встречи и договорённости с некими «коллегами», указанными «в ЦК». Чисто гражданская работа. Ну, разве что один раз вытаскивали двоих неких с сопредельной территории Грузии. Прошли, как по ниточке. Причём операцию планировал и проводил как раз Алексей.

Старания нового сотрудника не остались незамеченными. Уже через год Кравченко стал десятником – в «Антее» была собственная «табель о рангах», взятая, впрочем, явно от казачьей. Ещё через два – полусотником. За ту самую операцию на абхазо-грузинской границе. Это означало уже принадлежность к штабному звену – тому, которое планировало операции.

В бытовом плане во время работы в «Антее» тоже было благополучно. Жалованье платили весьма сытное, особенно при непритязательности запросов самого Алексея. Кроме того, регулярно капали премии – в основном за операции, в которых он участвовал.

Ященко посодействовал с жильём и полной регистрацией в Москве. С учётом денег за ростовскую квартиру и вспомоществования со стороны Ященковского друга – в долг, но зато без процентов – удалось приобрести прекрасную трёшку. В авторитетном сталинском доме на улице Куусинена, построенном после войны для лётчиков. По слухам – кто-то передачу, что ли, по телевизору видел, – здесь ещё даже жила жена какого-то «сталинского сокола», Героя Советского Союза.

Светка была счастлива, дети – сверхсчастливы. Москва! Как много в этом звуке... для женщины из провинции! А для ребёнка!

Юрку удалось устроить в весьма приличную даже по московским меркам 141-ю школу. Маринку же через два года отдали по настоянию жены во французскую спецшколу. Аж имени Шарля де Голля!

Правда, Алексей выказал некие опасения: знаем мы эти именнные спецшколы! Тянутся за формой, да незаметно втягиваются и в содержание. А на хрена в собственной семье человек, с придыханием относящийся к Западу? Ребёнок ведь! Он не умеет ещё отделять зёрна от плевел и видеть разницу между красивой внешностью и, мягко говоря, вонючим содержанием. И не свою страну поднимать захочет, как взрослым станет, а к чужой приникнуть. А та свою цену за это тоже рано или поздно запросит.

Но Светка настояла. Победив мужа одним соображением: да ты ли не сможешь повлиять на собственного ребёнка так, чтобы тот всё правильно понимал?

В общем, жизнь была интересной. И по-хорошему сытой. В смысле, когда о зарплате не думаешь, ибо её хватает. В том числе и на всякие духовные и душевные потребности. Ска-

жем, обойти все московские театры. Так, из полуспортивного интереса. Потому как Алексей не только не был завзятым театралом, но в принципе недолюбливал этот убогий и отсталый, по его офицерскому мнению, вид зрелищ.

Но Светка таскала его с собой, и он ходил. Тоже по-своему любопытно. Столица! Иногда представлялся сам себе неким персонажем из прежних советских фильмов: простой человек, а вокруг мэтры, мэтры...

С детками обошли все интересные им заведения – от цирка и зоопарка до аквапарка и аттракционов в Парке Горького.

Единственно, что доставляло забот, – Светка. Алексей сам, естественно, не чувствовал себя прирождённым москвичом. Но в жене открылась просто бездна каких-то комплексов. Или, может, одного: провинциальной бабы, вдруг полноправно прописавшейся в Москве.

Обойти все театры – это было одной из самых невинных её причуд. Но ей хотелось ещё непременно одеться как дамы света, которых она видела в телевизоре. Её тянуло на какие-то тусовки, где можно было увидеть какую-нибудь попсырную знаменитость. Она влезла в массу телевизионных шоу – в качестве зрительской массы, конечно, но ей и это нравилось. А познакомившись как-то на даче у Яценко с женой того его друга, что помог им с приобретением квартиры, она едва ли слюнки не пускала, когда вспоминала, какая Анастасия простая, демократичная – но умопомрачительно стильная! Как парижанка! Хотя в Париже Светка, естественно, никогда не была.

Алексей когда посмеивался, когда порывивал на жену. Было это как-то неприятно – такое её поведение.

С другой стороны, это была – жена. И можно было – вернее, надо было – её понять, когда вокруг неё соблазнительно хороводилась Москва во всём её бурном блеске и порочном гламуре.

Так что он просто положился на время. Оно всё превращает в привычку. И Светка тоже когда-нибудь насытится Москвою, верил Алексей. И станет прежней нормальной девчонкой.

Так всё и шло – разнообразно, но в то же время размеренно. Росли дети. Учились. Жена устроилась работать в рекламную фирму. Каким-то менеджером.

Через пару лет похоронили деда в Алчевске. Хорошо ушёл: тихо и в родном доме. Просто лёг вечером, а утром не проснулся.

После его смерти бабушка в Брянск к отцу переезжать отказалась – куда, мол, я от могилки старика моего. Она по-прежнему бодро пыхла в свои почти восемьдесят лет, неплохо выживая на пенсию и вспомоществования со стороны дочери и зятя. В свою очередь, Алексей каждый месяц переводил отцу с матерью «по тридцать из своих ста двадцати». Настоял, как те ни отказывались.

Не особенно повлияли на ход жизни и события на Украине. Кравченко, естественно, следил за ними – и по работе, да и родная всё-таки земля. Корни в ней. Но особенным каким-то рабочим образом в тему не углублялся. За ходом боевых действий следил, конечно. Но как профессиональный военный вполне представлял себе истинное содержание столкновений малых вольных отрядов и армии, не понимающей, за что воюет, но однажды обречённой начать воевать хотя бы за саму себя.

И конечный несчастливый итог для отрядиков прогнозировал вполне. Если им никто не поможет.

Интереснее была политическая подоплёка происходившего. Но тут судить оставалось только по Интернету да новостям. Никто отставному капитану на эту тему, естественно, ничего не рассказывал. А вопросы, способные вызвать «недоумение» Яценко, ни он, ни кто другой в их офисе задавать не собирался. Пару раз на памяти Алексея Яценко высказывал недоумение – после чего сотрудники, которых оно коснулось, быстро и позорно были уволены. В итоге

излишне любопытных просто не осталось. Даже в курилке не особо обсуждали. Люди все военные, хоть и бывшие...

Шеф исчезал пару раз – то ли туда, то ли ещё по каким делам. Ничего не говорил, естественно. К Алексею по украинским поводам не обращался. Тем более что за Кравченко уже сложилась специализация. Кавказ, естественно, будь он неладен...

Жизнь поменялась в одночасье...

Глава 4

...Те несколько дней были самыми чёрными в жизни Алексея. Он и вспоминать их боялся. Ощущение сплошной темноты со спорадическими проблесками зацепившихся за сознание сцен.

Яценко оказался... Яценко. Без его помощи ничего с розыском, эксгумацией тела отца и вывозом его в Брянск не вышло бы. Не то время и не то место было в Донбассе во второй декаде июля 2014 года, чтобы даже подготовленный военный мог в одиночку справиться с таким делом.

Во-первых, шеф организовал всё с документами, билетами и прочими бумагами, необходимыми для вывоза умершего с сопредельной территории. Во-вторых, он связался по своим каналам с «активистами». Ну, назвал он их так, а в остальное Алексей не вникал. Не до того ему было. Те дали связь с министром обороны ЛНР Сотницким, а тот, в свою очередь, выделил людей из прежнего своего батальона «Заря». Те и встретили Алексея на «нуле» возле Изварино, куда его доставили трое молчаливых ростовских ребят. Сильно похожих на бандюганов из 90-х годов. Да, может, они ими и были – связи шефа и ЦК неисповедимы. Скорее всего, участием шефа объяснялось и то, что главный из «бандюганов» переговорил тихо о чём-то с пограничником, после чего перед ним подняли шлагбаум, велел выходить здесь же не позднее послезавтра.

От Изварино укров уже отогнали и где-то в стороне дожёвывали огнём. Проезд на Луганск по прямой был, однако, очень рискован. Из-за укров, которые давили на этом направлении, периодически вываливались на саму дорогу и тогда расстреливали там машины из пушек. Всё равно какие – хоть гражданские, хоть коммерческие. Впрочем, в Луганске и делать было нечего. Целью Кравченко была дорога недалеко от Новофёдоровки.

Хотя в Луганск всё равно заехали – всё ж не на частном уровне вопрос решался...

Вынимали тело папки из земли под звуки недалёких разрывов как под звуки салюта. Укров отогнали, но те продолжали давить. Так что, по мнению сопровождающих из «Зари», Кравченко вовремя успел со своим печальным делом. Ибо не ровен час укрупы снова сюда сунутся.

Выяснилось тогда же, что само пребывание здесь украинских военных в день гибели отца было не закономерным. Формально эта территория находилась под контролем ополчения. Но... Это же гражданская война. Слоёный пирог, причём всё в движении и перемешивании. Может, это украинские окруженцы какие пробивались. Из-под Изварина, к примеру. Хотя вряд ли: те через север отходили. Может, подразделение какое заблудилось – добровольцы-каратели из нацгвардии подчас странные чудеса в этом смысле творили. Может, ДРГ «укропской» армии поработала. Что скорее всего: ибо гражданских отпустили, а российского офицера-отставника казнили. Для полезной отчётности...

То есть отец натолкнулся на карателей и погиб случайно.

Бабушка, естественно, не знала, кто были его убийцы. Да даже, похоже, и не понимала, что это были за люди и почему убили её сына. То есть видела и знала, конечно, что это украинские солдаты. Но так и не сумела понять, отчего и зачем им, своим солдатам, было убивать её своего же Сашку.

Таксиста Алексей расспросил более детально. Было у него поначалу подозрение, что тот нарочно повёз россиянина той дорогой, где был шанс наткнуться на укров.

Но нет, в этом водитель был не виновен. Хитрый и битый шоферюга, как все таксисты, он – видно было – на сей раз переживал искренне. Мать довёз потом до дома бесплатно. Завозил по пути в больницу, где ей вкололи чего-то укрепляющего-успокаивающего. Соседей нашёл, передал им бабушку под опеку. Позвонил Алексею. И сейчас был готов на всякую помощь.

Иное дело, что помочь он мог немногим. «Укропы» ему, естественно, не представлялись. На вид, по его, шофёра, мнению, были это не срочники. «Не зачуханные», – как определил таксист. Какой-то из нацбатов, скорее всего. Но какой – этого дядька не понял. «Тризуб, палки какие-то перекрещённые, да узор внизу, на свастику похожий», – вот и всё, что он мог описать.

Как везли тело, от которого ощутимо уже пахло сладко-приторным, как покупали гроб, как собирали бабушкины вещи, как ехали потом на «ноль», – это Алексей помнил лишь как внешнюю картинку. Как будто кино смотрел. И даже не с собственным участием. Ибо ходил, разговаривал, расспрашивал, распоряжался – не он. Некий человек в его образе. А он как бы висел рядом и наблюдал за всем происходящим.

Потом была граница. И неприятные формальности на границе. Потом дорога до Брянска и неприятные формальности в Брянске. Потом – похороны. И «скорая» для бабушки. И неприятные формальности с нею в больнице.

И страшное, безбрежное горе матери.

В общем, много было всего неприятного – помимо самого главного... Помимо самого главного горя.

У него больше не было отца...

Но когда схлынула суeta похорон, поминок и девяти дней – которые пришлось недолго после запоздавшего погребения, – Алексей задумался о том, что должно быть дальше. Именно так: должно быть.

А должно – понятно что. За отца нужно отомстить. Ибо так не делается. Не имеет права какая-то нацистская мразь, выскакавшая на майдане последние мозги, вот так просто расправляться с советским офицером.

Погибни отец в бою – всё было бы понятно. И ни о какой мести речи бы не было. Погиб – ну, не повезло. Но погиб в поединке равных, погиб за что-то, ради чего вышел на бой.

А здесь... Какая-то банда нацистских отморозков просто походя прихлопнула боевого офицера только за то, что он не захотел думать, как они!

Это не может, не должно оставаться безнаказанным!

* * *

Отомстить за отца – эта мысль молотком била по мозгу, когда Алексей выслушивал рассказ таксиста о последних минутах отца. Как бабушка бросилась к упавшему телу сына, как враз чего-то испугавшиеся украинские воины оттащивали её, как орали на водилу, чтобы быстрее увозил старуху, пока её и его не завалили здесь же. Как буквально заталкивали их в его машину. И кто-то кричал, чтобы он, водила, делал быстрее ноги вместе с бабкой и чтобы забыл о происшедшем!

Алексей слушал всё это, слушал, как таксист полуоправдывается-полуобъясняет, отчего побыстрее смылся с места убийства, пока «укропы» не передумали. Не хотел, дескать, чтобы и старушку там же порешили. Да и его – как явно лишнего свидетеля. Повезло ещё, что среди укров нормальные мужики были, что не все на голову отмороженные там оказались. Хорошо даже, что тело никуда не увезли и не утопили где-нибудь, а прикопали здесь же. Так что нашли, вот видишь, почти сразу захоронение-то...

Всё это Алексей слушал, но в голове метрономом стучало едва ли не одно лишь короткое слово: «Мстить... мстить... мстить!»

Но главное даже не это. Не просто месть. И не просто за отца. Нет, это должна быть ещё и кара.

Когда проехали с бойцами, его встретившими, по Луганску, когда остановились перед суетой на перекрёстке, когда своими глазами увидел гражданских «двухсотых», разорванных, с оторванными руками-ногами. И по рассказам бойцов, это было каждый день – каждый день

«укропы» лупили по городу, не выбирая цели, даже не задумываясь о ней. За хлебом вышел, на остановке автобус ждёшь, на рынке покупаешь что-то – и тут прилетает! И нет страшнее той жути, когда посреди мирно функционирующего города, возле открытого магазина, просто так люди с выпущенными кишками на улице лежат. С оторванными ногами.

Или вот девушка запомнилась. Совсем живая, будто просто споткнулась. Только маленькая ранка в виске. И всё! И парамедики, опытные уже! – кричат своему парню, чтоб мобильный телефон ей поглубже в карман засунул, чтобы тот не выпал и можно было из морга позвонить родным, определить личность убитой...

Тогда Алексей и решил вернуться сюда после похорон отца. Не столько чтобы мстить, сколько карать всех этих нелюдей. Которые из-за своей поганой, ненавистнической идеологии обстреливают мирные города из пушек. Именно карать! Чтобы защитить всех этих людей, виноватых только в том, что хотели говорить по-русски и не хотели скакать с присказками про москалей.

Святая кара положена за всё то зло и горе, которое принесла эта нацистская сволочь людям в его стране! В его, Алексея Кравченко, стране! И эта страна не Украина. Хотя она – его родина. И не Российская Федерация. Хотя она – тоже его родина. Это глупое деление на нелепые куски его одной большой родины – это наносное. Преходящее. Временные мелочи в историческом масштабе.

А есть настоящая родина. Большая, настоящая страна без нелепых внутренних границ. Страна всех людей, неважно, какой национальности. Страна большого общего народа. Великая страна великого общего народа. Где все равны. И закон един для всех.

И уже иначе встаёт вопрос о том, кто – сепаратист! Не тот ли на самом деле, кто выделился из этой базовой, основной, природной страны, создав больную, не способную ни на что, кроме нацизма, убогую территорию? Не тот ли, кто отнял её у всего народа, чтобы устроить на ней дебилские попрыгушки и отдать её заокеанскому врагу? Это ведь они – сепаратисты? Да больше – оккупанты! Захватили часть территории твой родины – и теперь карательствуют на ней. И надо выходить на бой, чтобы защитить и спасти её, жестоко отрываемую от общей родной страны землю...

* * *

После этого и произошёл основной разговор с шефом.

Кравченко вошёл в кабинет Яценко и после рукопожатия молча положил на стол начальнику заявление об увольнении. В обосновании значилось: «В связи со сложившимися семейными обстоятельствами».

Шеф спросил: «А если не пущу?»

Алексей пожал плечами: «Я просто прошу. Но решение окончательное».

«Ты же там никого не знаешь», – возразил Яценко.

Алексей снова дёрнул плечом – теперь одним: «Другие как-то входят. Да и бойцы знакомые. С которыми отца вытаскивал...»

Помолчали.

Затем Тихон тяжело, грузно поднялся с кресла. Прошёл до шкафчика с баром, достал бутылку коньяка. Разлил. Молча пододвинул рюмку Алексею. Сказал: «За невинно убиенного раба Божия Александра». Опрокинул коньяк в рот.

Кравченко сделал то же. Но продолжал неотрывно смотреть на шефа.

«Что конкретно намерен делать?» – спросил тот.

«Буду разыскивать тех, кто это сделал».

«Убьёшь...» – не спросил, а констатировал Тихон.

«Да», – кратко ответил Алексей.

Пауза.

«Та-ак, – протянул затем шеф. – Первое – безусловно. Имеешь право. Второе – против. Там война пошла настоящая. А ты там ничего не знаешь. И в одиночку ничего не сделаешь. Завалят тебя запросто. И всё. А ты мне здесь нужен».

Алексей непроизвольно сжал кулаки. Положил себе на колени.

«Вопрос даже не стоит, – привычавшись, проговорил он. – Так будет. Так или никак».

Яценко посмотрел на него хмуро, даже зло.

«Помню я про выход отсюда, – хмуро, но по-прежнему решительно проговорил Алексей. – Просился бы в отпуск, но не прошусь. Потому что не знаю, как что будет. Но не считай это, м-м-м... жёстким увольнением, – он не смог найти более подходящего слова. – Подписки все остаются. И слово моё. Не уходил бы, если б не известные тебе обстоятельства».

«Дурь это, а не обстоятельства, – отрезал Яценко. – Мальчишество. Романтика. Можно было бы действовать и отсюда. И не таких устанавливали. И ликвидировали бы порядком, как положено...»

«Дело не только в отце, – покачал головой Алексей. – Знаю: ты бы помог. И тогда за него даже легче было бы отомстить. Через возможности нашей конторы. Но не в отце только дело, понимаешь? Я всю мразь эту фашистскую с земли моей вычистить хочу!»

Яценко усмехнулся: «Они считают эту землю своею...»

«Они могут считать что угодно! – прошипел, не сдержав ненависти, Алексей. – Когда человека убивают только за то, что он думает иначе, – это фашисты. А фашистам в принципе нет места на земле. Не должно быть! А тем более – чтобы они на нашей земле злодействовали!»

Он оборвал себя. Ему вдруг стало стыдно за пафос, который Яценко мог найти в его словах.

«В общем, решил я, – глухо проговорил Алексей. – Или отпускай, или увольняй. Какие надо бумаги по секретности подписать, всё подпишу...»

Яценко смотрел на него остро, проницательно. Алексей ответил прямым, упрямым взглядом.

«Ладно, – помолчав, прищёпнул шеф ладонью по столу, спрятав взгляд свой словно в ножны. – Слушай моё решение».

И задумался.

«Намерение твоё мне не по нраву, но я его одобряю, – высказался он парадоксально после паузы. Впрочем, тут же пояснил свою мысль: – Не по нраву потому, что ставишь свой вопрос против моего. Грозишь увольнением, хотя ты мне нужен. И хочешь ехать на войну, хотя я тебя не пускаю.

Но одобряю потому, что иначе я и сам бы не поступил. И тебя бы перестал уважать, послушайся ты моего запрета.

Но я знал, что ты его не послушаешься», – совсем уж нелогично закруглил Яценко.

Ещё один испытывающий взгляд на Алексея.

«Завтра приходи, – наконец, бросил шеф. – С “бегунком”. Тогда и завершим тему».

И размашисто написал на заявлении Алексея: «Согласен». Поставил дату и расписался.

По душе резануло. Всё же с Яценко, «Антеем», работой Алексей как-то сроднился. И сейчас разрыв, вдруг ставший фактом, оказался болезненным.

Но и вариантов иных не было.

Ибо он всё решил.

Глава 5

– Всё спишь? Просыпайся! Слышал? Сан Саныча убили!

Звонок от Митридата, как, наверное, всегда в первый посленовогодний день, – прозвучал крайне некстати. Да ещё с дурацким вопросом «Слышал?» Что Кравченко мог слышать? Алексей валялся на скомканной и влажной простыни, бездумно глядя в потолок и поглаживая обнажённую спину Ирины. Сама подруга прижалась к его боку, положив голову ему на плечо, и что-то такое мурлыкала, благодарное и прочувствованное. Он не вслушивался, ловя лишь интонации и в нужных местах согласно прижимая женщину к себе.

Законное утро неги после новогодней ночи. И день. И потом ещё вечер. Особенно, если к тому же голова не болит от лишнего выпитого.

А лишнего выпито не было. Алексей был отпущен командованием домой на три дня, сопровождаемый веским советом на Новый год «не перебарщивать», ибо время такое, мало ли что. Хоть и перемирие.

Ну, особо никто и не собирался. По соточке приняли у Митридата на квартире – не считая того, что поначалу чокнулись и выпили с девчонками по шампанскому. Под первый удар курантов в Москве. Потом распили бутылку текилы, что притащил митридатов приятель Тимур из штаба корпуса. Что это – на четверых, считая ещё Злого? Да ни о чём! Была, правда, ещё одна текила от того же Тимура, но за ней как-то никто уже и не тянулся.

И теперь голова была чиста и соображала чётко. Но только секунды через четыре пришло осознание ошеломительной новости. Он резко сел на кровати.

– Сан Саныча?! Убили? Кто? Что известно?

* * *

К Александру Бледнову Алексея подвёл Ященко. Не сам, конечно. Заочно. Просто когда Кравченко безальтернативно поставил вопрос о том, что едет на Донбасс, передал контакты людей, которые могли бы правильно принять на месте его сотрудника. Заодно подробно проинструктировав относительно того, с кем какие отношения и как строить.

Сан Саныч Бледнов, по позывному Бэтмен, был одним из лучших командиров луганского ополчения. Впрочем, уже армии – не так давно он со своим отрядом влился в 4-ю бригаду, став в ней начальником штаба. Летние и особенно осенние тёрки его с руководством республики остались, казалось, позади. Совсем недавно он, Сан Саныч, сидел здесь, в Лёшкиной квартире, на краю этой самой кровати, ел расклякшиеся от долгой варки пельмени. Увлёклись разговором, что поделаешь, допустили их развариваться и разваливаться. Пока Муха, охранник Бэтмена, не обратил на это внимание хозяина квартиры...

А говорили о многом – будто прорвало. Как-то прежде обстоятельства не приводили к тому, чтобы они вот так запросто могли пообщаться друг с другом. Бэтмен был командир, Буран – его подчинённый. Хотя и с достаточной долей автономии: со своим собственным, пусть и небольшим, подразделением. Да и строгий был человек Сан Саныч Бледнов, суровый. Не больно-то и раскрывался, а тем более в служебной обстановке.

Но тут обстановка была как раз не служебная. Нет, и не питейная. Сан Саныч не пил вовсе, а при нём разливать на двоих – Митридат тоже присутствовал – как-то не тянуло. И таким открытым Алексей Бэтмена ещё не видел.

Война – это страшная вещь, говорил тот. И в бой идти очень страшно. Не бояться только сумасшедшие. Но когда на одной чаше весов твоя жизнь и здоровье, а на другой – виселицы с невинно убиенными людьми... Когда под угрозой гибели твоя земля, твой дом, твои дети,

твои родные и близкие. И даже воздух, деревья, среди которых ты вырос... Тогда ты пойдёшь в бой. И ты будешь биться до смерти. Своей или врага. Второе – лучше.

Алексее это было тоже понятно. Когда он впервые за много лет, после всего происшедшего, оказался в таком родном, таком памятном палисадничке у бабушкиной хатки в Алчевске – он поначалу едва мог сдержать слёзы. Самые натуральные сладкие детские слёзы. Несмотря на то что посреди мира своего детства стоял в камуфляже, с оружием, с патронами и гранатами в разгрузке. Стоял тогда Алексей Кравченко, уже прошедший через бои на Металлисте и Юбилейном, словно у прозрачной, но непреодолимой стены в детство, в прошлое, в мирное время, и беззвучно рыдал, давая комок в горле, – и клялся, тоже беззвучно. Клялся примерно о том же, о чём позже, уже зимою, говорил ему Сан Саныч...

И ещё одно важное подчёркивал командир. Причём не раз: видно, это было его глубоким убеждением.

«В чём наше отличие от укров? – говорил он. – Они пытаются навязывать другим своё видение мира, поломать людей, перекроить, по-новому пересказать историю целого народа. Но это ещё никогда никому не удавалось.

А мы не навязываем свою точку зрения. Русская душа – очень открытая. Мы готовы принять любого – какой бы национальности он ни был, – лишь бы он был человеком. И обнять его, и отдать последнюю рубашку. А на каком он языке говорит и во что одет, – неважно, хоть в шаровары, хоть в халат. Самое главное – жить по совести. На мой взгляд, совесть – это Бог. Это тот внутренний стержень, ограничитель, который держит тебя в рамках, чтобы ты не делал ничего неправильного. Чтобы окружающие знали, что ты хороший человек – вот это самое главное. Даже сейчас, на войне, я говорю: жить надо по совести, и тогда всё будет нормально».

И вот – убит...

Как это вообще возможно? Он что – на линию соприкосновения поехал? Да и там затишье на Новый год...

Бывал Алексей у Сан Саныча в Красном Луче, сживал и езживал в его броневишке фольксвагеновском. Ничего не давал на откуп случайности товарищ Бэтмен: хороший был броневишок. Не лёгкая жертва для обычного вооружения обычной ДРГ. И охрана была хорошая. Да хоть это последнее – да, получается, последнее, если Мишка не ошибается! – посещение квартиры Лёшкиной взять. Казалось бы – к своему в гости заходил! Но два бойца неотлучно сторожили в квартире, ещё один в подъезде, а четвёртый – возле подъезда на улице. Грамотные люди охрану ставили, недаром говорили, что один из его людей, с позывным Кот, аж в Кремлёвском полку служил. Надо думать, не ножку лишь тянул в балетной тамошней шагистике...

Была надежда, что Митридат, с некоторых пор ставший официально сотрудником госбезопасности ЛНР, скажет: мол, Бэтмена каким-то образом ликвидировала диверсионно-разведывательная группа укропов. Но холодок осознания, что виновники гибели Бледнова – не они, уже сползал из мозга к сердцу.

Была ещё надежда, что Митридат ошибается. Мало ли – ошибка в сводке? Мало ли – ранен только?

Но тот сказал лишь:

– Давай, одевайся. Буду у тебя через полчаса...

И всё стало плохо.

* * *

Алексей едва совладал с рвущими мозг мыслями. Бэтмен! Подумать только! Бэтмен! И убит!

Через секунду восстановил контроль над собой. Затем мягко сдвинул одеяло и легонько похлопал Ирку по круглой розовой попке. Попка протестующе напряглась. Видать, не хотелось

подруге выпрастывать себя из полусонной нирваны в грубый наждак военной действительности. Ну, пусть полувоенной.

Из полусна – в полувойну...

Всё равно не хотелось. Вот девчонка и противилась. Не шевелилась и не открывала глаз.

– Слышь,мышь, – была у них такая присказка из того личного «диалекта», который всегда возникает в любящих парах. – Зовут меня. Дела. Через полчаса ухожу. Ты поваляйся, если хочешь. Но когда вернусь, не знаю...

Это была необходимая информация: ключ от квартиры был только один. Значит, либо Ирка валяется, но тогда уже ждёт его до упора, либо подхватывается и успевает сделать свои женские чесалки-мазилки за полчаса. Нет, уже за двадцать семь минут.

Для женщины Луганска – нереалистично. Как и для женщины Донецка. Не потому, что страшны – как раз наоборот. А просто принято здесь среди нежного пола весьма тщательно следить за собой. И в одежде, и в макияже, и, что особенно важно, в фигуре. Очень требовательны к себе дамы Донбасса. Это Алексей уже заметил. И, в общем, одобрял – хотя его мнения, естественно, противоположный пол не спрашивал. То есть спрашивал, разумеется, и при каждом общении приходилось плести витиеватые комплименты в требовательно подставляемые, едва ли не вытягивающиеся навстречу женские ушки. Но понятно было, что и без его одобрения местные девушки будут лепить из себя куколок Барби и рисовать на лице остро привлекательные автопортреты.

Ирка поступила, разумеется, в соответствии с местным канонам.

– Макарка у бабушки ещё сутки точно не заскучает, – высказала уверенность она в ближайшей судьбе своего пятилетнего сына. – А я тогда тебя дождусь. За полчаса я себя в порядок привести не успею. Да ты и ванну сейчас займёшь...

Перевернулась на спину, изобразив жест нимфы, закрывающей свои прелести от взгляда Адониса. Или не Адониса – Алексей не был силен в греческой мифологии. В общем, от жеста истекала такая томящая невинность, что Лёшке остро захотелось прямо сейчас «заплюсовать» подругу.

Было такое выражение у одного из его однокашников по училищу, которое затем охватило все курсантские массы.

Но он лишь легонько, нежно погладил Ирку по щеке и повторил, почти виновато:

– Дела...

Она поняла. И – вот ведь на какие метаморфозы способны представительницы лучшего человеческого пола! – на её месте в той же позе, столь же обнажённая – но лежала всё равно что одетая женщина. Причём одетая – в деловой костюм: настолько резко и полностью оборвалось исходившее от неё только мгновение назад призывное женское излучение!

– Прости, – промолвила Ирина, поднимаясь на локте. – Я буду тебя ждать. Сильно.

И после паузы спросила:

– А какой Сан Саныч?

Алексей посмотрел на неё задумчиво. Потом ответил медленно:

– Один у нас Сан Саныч. Наш Сан Саныч...

* * *

Митридат приближался, поскальзываясь по скованным внезапным морозом луганским хлябям. Если бы не печальный повод для встречи, смотреть на это было бы забавно. Впрочем, сам Алексей тоже старался поаккуратнее ставить ступни между рёбер превратившейся в лёд грязи. Что делать – такая уж зима получилась в Луганске: мороз – оттепель – мороз...

– Ну, ты как? – осведомился Мишка, пожимая ему руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.